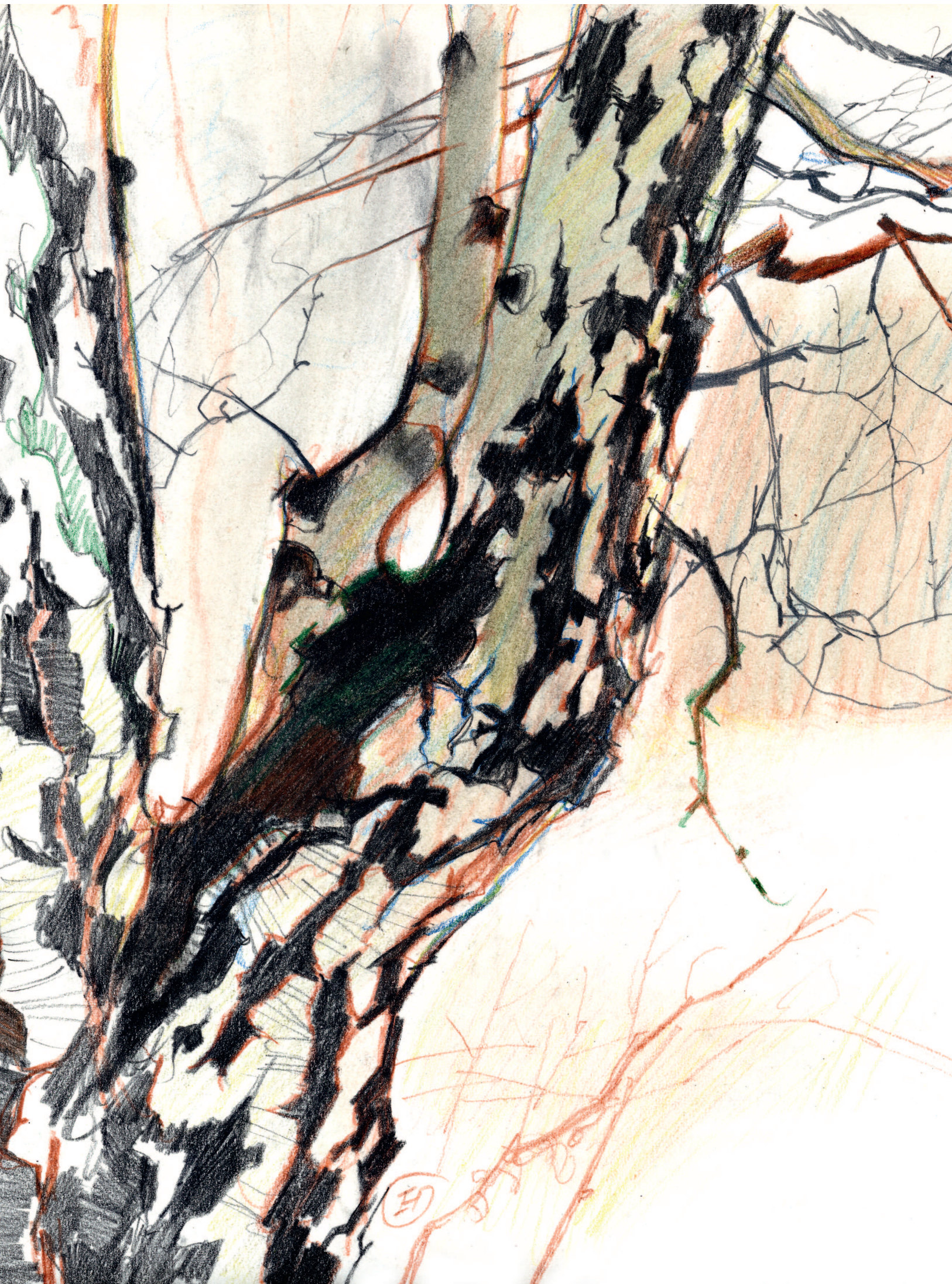

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Г. НОВОЖИЛОВА

РУССКИЕ СКАЗКИ

ПРО ЛНСУ
И КОТОФЕЙ
ИВАНЫЧА

Жили-были старик со старухой. Жили бедно. Скотинку не имели, а был у них только один кот. Жил кот долго, остарел немного. Любил кот более всего на печи лежать, слушать, как старик со старухой его ругают.

— Ишь, бока все отлежал, — ругает старуха кота. — Мышей не ловит, только харч переводит.

«У вас корки плесневелой не допросисси», — огрызается про себя кот.

— Клочкастый он у нас какой-то. Ухо рваное, — соглашается со старухой дед.

«Смотри, какой красавец писанный», — щурится на деда кот.

— А мяучит, словно собака тьякает, — говорит дед и давай цигарку из вedomостей вертеть.

— Да сунь ты его, дармонда, в мешок и отволоки в лес! А там и выкинь! — советует старуха.

— И то, — отвечает дед. — Покурю маленько и снесу.

Поймал кота старик, сунул в мешок, отнёс в лес, а там вытряхнул в овражек и ушёл.

— Тьфу на вас! — плюнул вослед старику кот, а потом пригрюнился. — Делать-то чего теперича? А есть как охота. Кажись, кашу пустую дай, всю бы так и стрескал.

И чует кот, от пенька одного мышами шибко потянуло. Подкрался он, лапу в нору запустил, а там тепло, всё шевелится — столько мышей. Цап одного мыша, вытянул, а норку сучочком заткнул. Съел, затычку вынул, другого поймал. Наелся кот, но всё равно грустно, одиноко. «Запас, что ли, сделать?» — думает. Перекинул связку мышей через плечо и дальше побрёл.

Вот идёт он, идёт и видит лису. Лиса же котов никогда не встречала и спрашивает:

— Кто вы такие будете?

— Мы кот.

— А зачем вы тут?

— Как эт зачем? Главнoначальником над вами поставлен. При-
слали меня, значит, вами управлять, — надулся кот, а сам думает:
«Как бы эта рыжая не покусала сдуру-то».

— Ух ты! — обомлела лиса. — А имечко какое имеете?

— Ну, Котофей Иваныч. А тебя по-каковски называть?

— Патрикевна я.

— Где-то слыхал, — кивнул кот важно.

А лиса думает, раз этот сморчок начальником прислан, так
надо, пока не хватились, за него замуж идти.

— Пошлите ко мне, Котофей Иваныч. Покушаете с дороги.

— Я покушамши.

— Мышами, что ли, закусили?

— А что?

— А я вас курятинкой всласть попотчую.

— Ну, давай, что ли, пошли.

И окрутила кота лиса. Стали они вместе жить. Кот на печ-
ке целый день дрыхнет, только просыпается курятины поесть.
А лиса кур натаскает, садится их щипать: пух по горнице так
и летает. Кот гладкий стал, подшёрсток на холке появился,
но на животе отчего-то шерсть поредела.

— Патрикевна, а Патрикевна! Чегой-то у меня на пузе шерсть
лезет?

— Не знаю, Котофей Иваныч, я неграмотная.

— Может, от курятины? — предполагает кот.

— Давайте гусятинку попробуем, — предлагает лиса.

— Неси, что ли.

Зиму прожили хорошо. Запасов у лисы пропасть: курятина, гу-
сятинка, утятинка, мяско всякое. Долгие зимние вечера тянутся, тя-
нутся. Кот на печи похрапывает, лиса у шестка блюда готовит.
Проснётся кот, на лису заплывшими глазками глядит и молчит.
Щёки у кота стали, что твои сдобные плюшки. От сладкой жизни
Котофей Иваныч даже подрос. Хлопочет лиса у печи, гремит за-
слонкой, ухватом чугунок ворочает.

— Обедать слазьте, а Котофей Иваныч!

— Опять обедать, — вздохнёт кот. — Уж обедали нонче.

— Это вчерась, Котофей Иваныч, было. Заспали вы.

Поскребёт кот под мышками, сползать с печи станет. Сядут обедать. Лиса пристаёт:

— Чегой-то вы меня не обожаете, а Котофей Иваныч?

Кот ложку оближет, отвечает:

— Займися делом, Патрикевна!

И опять на печь. Однажды лиса говорит:

— Раз вы начальники, так вам мундир полагается. В чём прохаживаться станете?

— С еполетами? — оживился кот.

— И пуговики светлые, — мечтает лиса.

— Можно, — улыбается с печи кот.

— А на штанах лампасики енеральские, — совсем умилилась лиса.

— Штанов не надоть!

— Как так? — удивилась Патрикевна.

— В штанах жарко будет. Один мундир надоть.

— Нехорошо, Котофей Иваныч, такому начальнику без штанов-то.

— Цыц, Патрикевна! Делом займися!

А сам на другой бок и храпака.

Стянула где-то лиса красного сукнеца. В другую ночь забралась к галантерейщику, нахватала прикладу всякого, еле дотащи-ла. Уселась лиса коту мундир ладить.

— Котофей Иваныч!

— А! — просыпается кот.

— На примерку спускайтесь.

— Ох, всё-то нам по грехам нашим, — кряхтит кот и слезает. Вертит его лиса, булавки везде понавтыкала, рукавчики намётывает. И вот закончила лиса работу, в дальний угол устроилась, любитесь. Крутится перед зеркалом кот, лапы в стороны поднимает.

— Вот тута как будто потягиват, — придирается кот, а самому нравится.

— Так, Котофей Иваныч, большой начальник ручек не подымат, он ножками ступает.

— Твоя правда, Патрикевна, ты у меня прям рубин яхонтовый, — млеёт кот.

— Да будет вам, Котофей Иваныч! — закрывается передником лиса.

— Пройтись, что ли, пойти? — советуется кот.

— Дождит ноне, Котофей Иваныч. Ножки замочите. Через денёк пообсохнет, отправимся. А щас я вам потрошков в сметанке приготовлю. А вы ложитесь пока. Небось умаялись.

— Лучку, лучку, Патрикевна, поболе положи. И вот што, Патрикевна, ты мундир-то мой на виду пристрой, я глядеть стану.

Вот пошла наутро лиса поохотиться, сцапала утку на озере. Бежит с уткой, думает, как бы её почудней приготовить. А тут из кустов волк:

— Стоп машина! Становися лагом*, Патрикевна, утку давай, а сама бежи, куда бегла.

— А вот энтого не хошь?

И суёт волку в нос кукиш.

— Ай, курятины объелася, а кума? Щас башку-то рыжую твою скушу, дале без причёски обходиться будешь.

— Скусил один такой! Твоя-то башка уж на ниточке дёржится!

— Чего так?

— А того! Котофей Иванычу нажалюсь, тута тебе, блохастому, и каюк!

— Ты чего! Чего фиги-то тута мне в нос пхаешь? Какому такому Иванычу? Кто таков Иваныч твой?

— Муженёк мой! Начальником сюда послан! С самого, то есть, верху! Порядок наводить среди вас, чертей. Он те скусит!

— Ой, рыжая, опять, небось, брешешь?

— Ты б, Левон, удалился с моей дороги. До греха недалеко.

— Ну, извиняйте, стало быть. Стало быть, ложимся в дрейф**.

И полез волк обратно в кусты. Только лиса разбежалась, а тут медведь:

— Здорово живёшь, Трикевна! Ну, это, давай, что ли, птицу мне на поедание.

* *Стать лагом* — стать бортом к волне или другому судну.

** *Дрейф* — отклонение корабля от намеченного пути под влиянием ветра или течения.

Г.НОВОЖИЛОВ (F)

— Да вы что, сговорилися ноне, окаянные!

— Утку, говорю, мне отдавай.

— А две не хошь?

И медведю поведала лиса о страшном муже своём. Медведь слушал, слушал, даже слюну пустил.

— Слюни-то подбери, Потапыч! С женщиной толкуешь. Вы б с Левоном потрафили лучше начальнику-то вашему, глядишь, он вас и простит.

— Чаво это такое, Трикевна? — таращится медведь.

— Ох, моченьки моёй нету! Ты, темнота окромешная, тащи быка, а серому дураку скажи, пусть барана, что ли, зарежет. А как гостинцы приволокёте, так сами подале схоронитесь. Котофей Иванычев носок деликатный, ваших ароматов, боюсь, не стерпит. И порвёт Котофей Иваныч вашего брата.

— Каво порвёт-то, Трикевна? Кто это такое? Вишь, волнуяся я даже!

— Тьфу ты пропасть! — плюнула лиса и с уткой убежала. Прибежала домой, угощает кота уткой, рассказывает:

— Волк с медведем просят гостинцы принять.

— А, к примеру, какие такие гостинцы?

— Медведь быка, волк барана.

— Не жирно ль будет?

— В запас пойдёт, Котофей Иваныч. У нас лишнего не бывает.

Ну а волк с медведем приволокли подарки, свалили на видном месте, а сами из-за бугра выглядывают.

— Слышь, Лявон, поди, скажи, так, мол, и так.

— Потапыч, ты вона у нас какой, прям броненосец*. Я рядом с тобой лайба** чухонская. Стало, тебе идтить.

— Понимашь, Лявон, я сызмала энтих начальников опасаяся. Ты глянь-ка, вона косой куда-то чешет. Слышь, землячок, подь-ка, дело есть!

— Чего вам? — остановился заяц.

* *Броненосец* — мощный корабль, оснащённый артиллерией и торпедами.

** *Лайба* — финская лодка для перевозки сена, дров.

— Жить хошь? — оскалился волк.

— Да отцепись ты! — огрызается заяц. — Всё бы жрать да жрать. А толку никакого: кожа да кости. Лучше подох бы. Глядишь, и отмучился.

— Это ты, салага, мне, что ли? — рассвирепел волк.

— Годи, Лявонтий, — придавил волка лапой медведь. — Не время. Ты, сынок, поди, тукни в окошко, скажи лисе, мы тута с гостинцами. Кумекаешь?

— Кумекаю! — развеселился заяц. — Я гляжу, вам самим ночью не с руки!

— Ой, держи меня, Потапыч! Ой, я его грызть щас почну! — мотает башкой волк. — Ой, погано мне от энтих говорунов!

— Уймися! — гнёт своё медведь. — Не время, говорю. Гляди-ка лучшеё, чего там косой.

Заяц к избушке подскакал, в окошко постукал, а сам прыг подалее. На крылечко вышла лиса в цветастом фартуке, шерсть на лбу на бумажки накручена. В лапе у неё гусь: она его палила над огнём. Заяц стал передавать медвежий наказ, лапкой в сторону волка и медведя показывать. Рассказал и в чаще скрылся. А лиса в избушку вернулась.

— Потапыч, чегой-то оттель жгёным мясом тянет. Чуешь?

— Чую, — шепчет медведь. — Предполагаю, кого-то из наших изловили, сильно пытаются, всё про нас хочут знать.

— Амба, Потапыч! Открывай кингстоны!*

— Похоже на то, Лявон.

Через малое время появился из дверей в красном мундире кот, а за ним лиса в пышной причёске.

— Ух, как я энтих начальников опасаюся, — опять шепчет медведь. — Весь даже волнуюся. Да вот скажи, Лявон, чегой-то энтот начальник так невелик? Поганенький какой-то. Мне б яво под пятку, так бы, кажись, об землю и растёр.

— Он те разотрёт, — шипит в ответ волк. — Вона, на ём золота, как на адмирале. На нас курс взял. Делать-то чего?

* *Кингстон* — клапан в подводной части корабля, служащий для доступа воды внутрь корабля.

А кот учуял свежати́ну да как кинетс́я на бы́ка с бараном и давай их терзать. Мяукает, завывает, рычит, совсем из ума вышёл.

— Ишь как лютует, — шепчет медведь. — Уходить надоть, Лявон.

И полез медведь на дерево прятаться. А волк в хворост зарылся, но глядеть на кота хочется: морду высунул, пасть открыл.

— Ишь ты! Из всех калибров так и шпарит, — восхищается волк котом.

А лиса тут как тут:

— Котофей Иваныч, вона кого цапни! Он во всём виноватый.

И указывает на волка. А кот уж вовсе очумел, в глазах красно, кинулся, вцепился в волчью морду. Взвыл волк:

— Полундра! Братва, все за борт!

Мотает башкой волк, никак кота стряхнуть не может.

«Всё, Лявону крышка. Хоронить уж неча не останется, — трясётся на дереве медведь. — Теперича мой черёд. Ежели каво обидел, прощенья прошю».

А кот вдруг сообразил, в кого вцепился, и от ужаса по стволу взлетел. Волка будто здесь и не было. А кот хочет выше спрятаться, головой что-то мягкое пихает, а выше не получается. Он возьми да со страху и укуси это мягкое. Дёрнулся медведь, полдерева обломал, вниз рухнул.

— Держи его, лохматого! — верещит вослед медведю лиса, подпрыгивает, лапами размахивает. Как утихло всё, подходит лиса к дереву, а там, где медведь обломал, кот в мундире своём.

— Слазьте, Котофей Иваныч, вы тута теперича наиглавнейший!

Молчит кот. И так, и сяк зовёт лиса — ничего. Долго лиса палкой била по дереву, пока кот на землю не свалился. Домой понесла лиса муженька, там помыла, расчесала, на печь уложила.

— Покушайте, Котофей Иваныч, ослабли вы. Вам чего, курятинки, гусятинки? Может, желаете баранинки аль мяска бычьего?

Так и уснул Котофей Иваныч с куском мяса в пасти.

БИТЫЙ
НЕБИТОГО
ВЕЗЁТ

